

КУЛЬТУРНЫЙ ЦЕНТР ВООРУЖЁННЫХ СИЛ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ИМ. М.В.ФРУНЗЕ

**ВОЕННО-ХУДОЖЕСТВЕННАЯ СТУДИЯ
ПИСАТЕЛЕЙ**

Военный литературный альманах

РАТЬ

Выпуск № 14

Москва

2014

**Рать: Военный литературный альманах.
Выпуск № 14, 2014. – 160 стр.**

В 14-м номере военного литературного альманаха «Рать» мы продолжаем знакомить читателей с творчеством военных писателей, – тех, кто продолжает службу, и тех, кто ныне находится в запасе и отставке, а также гражданского персонала армии и флота и членов их семей.

Также в альманахе вошли стихи и проза участников Второго Всеармейского совещания писателей, проходившего 23-24 октября 2014 года в Культурном центре Вооружённых Сил РФ им. М.В.Фрунзе.

Главный редактор – **Владимир Силкин**

Заместитель главного редактора – **Валерий Киселёв**

Ответственный редактор – **Игорь Витюк**

Шеф-редактор – **Михаил Силкин**

Дизайн и вёрстка – **Игорь Витюк**

Корректор – **Александр Савицкий**

Общественная редколлегия:

Л.Г. Баранова-Гонченко, В.Г. Бояринов, В.И. Гусев,
Г.М. Козлов, В.Н. Крупин, В.И. Мазуренко, М.И. Ножкин,
В.А. Пронин

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-40750 от 7 июля 2010 года в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Валерий КИСЕЛЁВ

Валерий Юрьевич Киселёв – прозаик. Родился в Таджикистане, учился в Москве и Московской области (Голицино), имеет три высших образования, владеет двумя иностранными языками.

Служил в органах КГБ. Сначала в Пограничных войсках, а затем – во внешней разведке, спецназе КГБ СССР "Вымпел", заканчивал службу в управлении по борьбе с организованной преступностью. Полковник запаса. Служил на Сахалине. Воевал в Афганистане, Никарагуа. Участвовал в событиях в Баку, Тбилиси, на Северном Кавказе. Участник более 450 боевых операций, в том числе, в трёх – по освобождению заложников. Часто выступает на телевидении и радио, как эксперт по спецслужбам, боевым столкновениям, противодействию терроризму.

В настоящее время: военный пенсионер. руководитель Общероссийского Фонда ветеранов спецслужб «Вымпел-Гарант». Вице-президент Федерации Боевого Самбо России. Член общественной комиссии при Президенте РФ по борьбе с терроризмом. Автор четырёх книг. Член Союза писателей России. Живёт в Москве.

ШЕСТОЕ ЧУВСТВО

Рассказ

Он осознал происходящее и даже увидел его со стороны. Он почувствовал присутствие угрозы сразу. В гулкой тишине пропавшего старостью и грустью подъезда около одинокого лифта стояла печальная тишина... Кнопка с затёртой надписью «Вызов», на которую Николай давил, только попискивала от воздействия сильных пальцев, но движения всему могучему механизму подъёмной машины, предназначенной доставить

человека на последний, восьмой этаж, не давала... Что-то сказало ему: «Этот человек, стоящий у него за спиной, будет стрелять, и не ради того, чтобы испугать. Этот пришёл, чтобы убить!» Чувство, которое доселе спокойно и умиротворённо дремало где-то там, в самом дальнем уголке вечной души, вдруг рвануло из тени и высветило всё, что было, есть и будет... Оно, как вспышка, вдруг проявило и обострило всё: и память, и мысли, и физическое состояние, и умение действовать, и бороться за жизнь... И это чувство неожиданно вдруг пронзило его, как электрический разряд, и заставило обернуться под взглядом опасности, нацеленным в его спину. Киллер!

Некоторое время назад по его домашнему телефону раздался звонок... Он сразу уже тогда ощутил угрозу, исходящую от дребезжащего позвякивания телефона, властно и неотвратимо призывающего к себе. Голос на другом конце трубки оказался голосом какого-то ребёнка, произносившего заученные слова... Слова эти, как удары молота, навсегда врезались в мозг: «Если ты будешь продолжать помогать им... мы тебя убьём!» И всё это, объявленное именно детским голосом, особенно и пугало, душу невольно охватывала оцепенелая уверенность: «Эти шутить не станут!»

Старый, как говорится, «прошлого века», многоэтажный дом в самом центре города, в котором оставались до сих пор не расселёнными всего две квартиры, одна его — на последнем этаже, и ещё одна, на первом этаже около лифта, — какого-то горемычного соседа, был лучшим местом, чтобы свершилось зло... Лампочка под потолком существовала и даже горела, скорее, тлела: света давала ровно столько, чтобы обозначать, что электричество в доме есть, но при этом ничего не освещать... Именно это место притягивало к себе и жертву, и — убийцу. Пустынное, забытое пространство, куда они невольно стремятся оба... Здесь нет ни одной души рядом, которая проявит сострадание, готовая помочь... Нет ни одного человека, который мог бы увидеть происходящее. Нет никого, кто поможет умирающему, когда всё произойдёт... Здесь — только одиночество и тоска. А потом — останется запах разрухи

дома и легкий запах сгоревшего пороха — от выстрелов пистолета с глушителем. Останешься ещё и ты сам, один на один со своей судьбой... Если... Если просто стоять и ждать.

И именно поэтому, не дожидаясь выстрела, молодое натренированное тело, по звериной интуиции, рвануло влево, вниз и в сторону, а затем вверх на лестницу, инстинктивно уклоняясь от предполагаемого выстрела, но навстречу и поближе к темному силуэту с пистолетом в вытянутой руке. Он успел заметить, что рука с оружием плавно, как в фильме с замедленной съёмкой, стала перемещаться за ним, пытаясь навести прицел на голову.

Теперь он успел разглядеть, что в руке — пистолет Макарова, хорошо ему знакомый, с большим, кажущимся огромным глушителем для бесшумной стрельбы. И ещё, через мгновение, он увидел, как дёрнулась рука стрелявшего, и из ствола на него понеслась маленькая, до тошноты страшная оса горячего свинца. Он явственно видел этот полёт и, чувствуя направление пули, именно поэтому переменял траекторию своего движения и рванулся в обратном направлении, — теперь вверх и вправо, но всё равно, навстречу стрелявшему... Только бы сблизиться с ним, чтобы перехватить руку с оружием... А мозг почему-то стал громко считать выстрелы, губы невольно разжались и отчетливо произнесли:

— Раз!

И вдруг его сильно толкнула в левое плечо какая-то незнакомая и неведомая доселе сила, и от этого удара движение его навстречу врагу превратилось в замысловатый африканский танец с невообразимым по логике вращением тела и дерганием в разные стороны... Это — первая пуля рванула ткань костюма и впиалась в самый край плеча. Боли от раны не чувствовалось... Виделось только, что рука с пистолетом продолжала движение туда, где его уже не было... Он снова увидел дёрнувшийся вверх пистолет с быстро-быстро крутящейся, выкинутой мощным затвором гильзой, и ещё один выстрел прозвучал, как хлопок в ладоши... Этот приглушённый устройством для бесшумной стрельбы звук был как насмешка над промахом вблизи, как начинающиеся аплодисменты за желание жить...

— Два! — считало сознание.

А в голове пронеслось: «Промазал!!!»

Расстояние до фигуры, стоящей наверху лестничного пролёта, сократилось, но оставалось ещё настолько огромным, что стрелку возможно было ещё стрелять, стрелять и стрелять... А ноги с умноженной от страха силой толкали вперёд... Сейчас и теперь в нём ожило и заработало всё: и его предыдущие усиленные занятия спортом, и звучащий возглас тренера по борьбе: «Умей чувствовать противника!», и... страх, и жажда жизни. А рука убийцы с пистолетом опять стала возвращаться обратно, и он ясно увидел отверстие, откуда должна вылететь смерть, снова направленное ему прямо в голову... Пистолет подпрыгнул, и в сумраке подъезда он даже разглядел скрытую глушителем искорку горящего пороха. В это мгновение звериное чутьё опять рвануло его в другую сторону, заставляя подпрыгнуть вверх, напоминая детскую игру в мяч. Он как будто бы вворачивался в пространство, защищаясь от запущенного в него предмета, инстинктивно выкручивая тело, сознание и пространство...

— Три!.. Четыре!

Четвёртая пуля скользнула и разорвала одежду на правом боку, совсем немного задев тело... А сознание, забыв о происходящем, вдруг отвлеклось и стало сожалеть о новом костюме, только что купленном за большие деньги. Ещё бы, это был импортный французский костюм!

— Пять!

Рука с пистолетом опять стала перемещаться, как бы «подлавливая» такую несговорчивую, заигравшуюся цель...

— Шесть!

Лицо обожгла горячая струя раскалённых газов от выстрела, а пуля, задев щёку, заметалась от стены к стене подъезда, ударив в соседскую дверь. Теперь рука с оружием была настолько близко, что до неё удалось дотянуться, и крепко, почти безнадежной хваткой вцепиться в кисть и всем телом повиснуть на смертоносной руке...

— Семь!

«Остался всего один патрон! — неслоь в сознании. — Отпускать руку ни за что нельзя! У него есть ещё один выстрел!»

Борьба была жёсткой и напряжённой. Под тяжестью обезумевшего человека, силы которого умножились стремлением выжить, стоявший наверху не выдержал, потерял равновесие, и теперь они вместе, уже сплетясь как пара змей, с мягким грохотом и шумом тел, покатались вниз по лестнице. Каждый из них уверенно и стойко молчал, делая своё дело. Один пытался навести пистолет в сердце противника, а второй отчаянно отводил его в сторону. Каждый из них ждал такого необходимого только ему, последнего выстрела... Над этой жестокой борьбой стояла гулкая тишина, и в молчании подъезда было что-то зловеще трагическое, определяющее Черту между жизнью и смертью. Сознание Николая теперь наблюдало за происходящим почему-то со стороны, откуда-то из-под потолка, где висела тусклая и запылённая годами лампочка. Оно, сознание, видело два барахтающихся в отчаянной борьбе за жизнь человеческих тела и не могло вмешаться в это противостояние, зависнув в тягостном ожидании исхода...

Грязный кафель пола около двери так и не вызванного лифта оказался более удачливым для киллера. Он смог перебороть сопротивление и всё же нажал на спусковой крючок, направив ствол туда... куда-то в кучу запутавшейся одежды и тел...

Пронзившая всё тело боль в ноге... Да, да! Здесь, ближе к паху... Как больно! А сознание фиксирует эту картину сверху и продолжает автоматически считать:

— Восемь! Всё! Это — последний патрон...

И руки Николая разжались, отпустив пистолет. Стрелявший легко освободился от объятий, словно стряхнув с себя какое-то случайно наброшенное покрывало, и встал. Затем он медленно выпрямился и навёл пистолет прямо в лоб. Он был настолько спокоен и безразличен, что Николай, наблюдая всё это отсюда из-под потолка, со стороны, даже расстроился: «Почему же этот момент не вызывает у него никаких эмоций?» Ни глаз, ни лица отсюда, сверху, было не видно... И были непонятны причины его спокойствия в ожидании...

— А вдруг я ошибся? И у него есть ещё патроны?!

Щелчок металла о метал прозвучал даже громче, чем предыдущие хлопки, и, словно подводя итог сомнениям, подтвердил:

— Всё! Я прав! Патронов в магазине больше нет...

Но стоящий человек начал рыться в карманах, наверное, в поисках второй обоймы, чтобы перезарядить пистолет... И в этот самый момент загрохотала замками и засовами соседская дверь. Видно, судьба сегодня была всё же более благосклонна к Николаю, чем к тому, другому, искавшему вторую обойму... Сосед оказался дома! Какое счастье для лежащего у лифта и ожидающего результата копания в карманах убийцы, что его чудаковатый горемыка, а теперь — такой хороший и милый сосед, именно сейчас не слушал слишком громко телевизор, не спал пьяным в безмятежном сне, а просто оказался дома, в нужном месте и в очень нужное время... Такое везение и удача бывают не часто, а сейчас они были так необходимы именно ему, истекающему кровью...

Дверь распахнулась, выпустив на лестничную площадку полоску яркого света, выхватив из полумрака одиноко лежащую фигуру человека... В подъезде хлопнула входная дверь, в лицо ударил порыв свежего ночного воздуха — убийца пропал навсегда, растворившись во тьме ночного города. Несколько мгновений сосед рассматривал лежащего, а потом, по-видимому, осознав случившееся, испугался и закрыл дверь. В тишине подъезда в шлейфе холода приближающейся смерти Николай закрыл глаза от боли, не в силах ни двинуться, ни позвать на помощь. Единственное, обострившееся чувство слуха улавливало проникающий через закрытую дверь голос теперь лучшего в жизни соседушки: «Милиция! Милиция! Адрес...»

В душе сожаления не было. Всё происходило так, как было предназначено судьбой и расписанием сверху. Сейчас его мысли отсчитывали происходившее недавно... После того памятного звонка с угрозами убийства, Николай пришёл в милицию, и ему выделили вооружённую охрану, всё же он был лицом власти, депутатом городского значения. Охрана ходила с ним везде.

Днём, утром, ночью... Ребята были хорошие, но — чужие. Их жизнь Николаю была неведома и от него далека. Он не понимал и не знал их интересов, увлечений, забот. Он не чувствовал в них людей, готовых умереть, защищая его. При встречах они здоровались, улыбались, даже заботливо друг у друга спрашивали: «Как дела?» А на самом деле они были далеки друг от друга, как и положено человеку, имеющему деньги и власть, и тем, которые власти служат. Через некоторое время он стал тяготиться их присутствием и тем, что они уже слишком проинформированы его истинными заботами, устремлениями и местами притяжения. Его холостяцкая жизнь, а тем более внеслужебная деятельность, не предполагали лишней ушей и глаз, поэтому через некоторое время, посчитав угрозу слишком далёкой, он отказался от охраны. И вот уже целую неделю — он совершенно свободен и умиротворён. А теперь вдруг случилось это!

Ещё раз хлопнула входная дверь, и в коридоре около лифта появились два милиционера. Они были молоды, бесстрастны и неторопливы. Сколько времени прошло после того, как за соседом закрылась дверь, Николай определить не смог, зато сознание, висевшее там, под потолком, стало прямо ему в мозг транслировать всё, происходящее внизу, как некую видеокартинку с камеры слежения. Именно глазами откуда-то сверху он стал наблюдать за своим же телом, лежащим около лифта, и за двумя застывшими фигурами милиционеров в серой, мышинового цвета форме... Он телепатически услышал мысли стоящих рядом людей, угадывая их состояние... Увидел явное безразличие к происходящему одного из них, того, который постарше, и который, скорее всего, был главным, и сострадание и жалость к нему другого, который был моложе... Раненый ясно видел за непроницаемыми, без эмоций лицами, что тот, первый, никак не среагировал на тело, лежащее около лифта. В его голове было лишь: «Заколебали эти бандитские разборки! Быстрее бы они перестреляли бы друг друга... Дежурство закончится, рвану на дискотеку». А вот в голове другого он смог разглядеть жалость к себе

и сострадание: «Бедный дядька! Какая-то сволочь человека убила... А может, ещё жив?» Именно эта последняя его мысль и заставила Николая собраться с силами и произнести:

— Я ранен! Вызовите скорую...

И опять явно и точно именно шестое чувство подсказало ему, что в голове одного из них, старшего, не пробежало ни единой мысли... Только безразличие и усталость от происходящего. Вселила надежду мысль другого, молодого парня: «Жив! Надо быстрее врачей вызвать. И лужа крови большая... А я боюсь к нему подойти...» И он, молодой, схватившись за рацию, выскочил на улицу.

Буквально ещё через несколько минут след за вернувшимся молодым милиционером вошли два фельдшера скорой помощи. Это ещё раз, на удачу Николаю, была бригада проезжавшей поблизости именно в этот момент машины скорой помощи. Если бы не случившаяся стрельба, можно сказать, что ему сегодня вообще везёт!..

Теперь чувство транслировало сверху картинку присутствия двух склонившихся над ним людей в белых халатах. Они почему-то в первую очередь полезли во внутренний карман костюма...

— Удостоверение у меня — во внешнем кармане... — уверенным голосом сказал Николай.

Медик, испугавшись заговорившего вдруг мертвеца, даже отстранился от тела, дёрнувшись к двери лифта... Но, переборов свой страх, он всё же достал депутатское удостоверение, раскрыл его и, смешно шевеля губами, запинаясь, прочитал: «Мос... Московченко Николай Михайлович... Так это же — депутат! Да, точно, тот — самый известный, скандальный депутат!» Он произносил это, как будто бы не осознавая и не понимая, что лежащий у его ног человек жив и слышит его.

А сознание, пребывающее сверху, висящее у лампочки, удивилось такой медлительности людей в белых халатах. Ужаснулось их безразличию и спокойствию. А-а-а! Обыденность происходящего — вот в чём причина! Они только сегодня видят уже третьего мертвеца. Привычка к смерти делает человека закрытым в своих переживаниях и эмоциях...

А тем временем, постояв несколько минут в раздумьях, фельдшер, наконец, склонился и стал копать, расстёгивая одежду... Потом, увидев раны, сделал обезболивающий укол. Тело, до этого скованное, но уже начинающее привыкать к боли, сразу же расслабилось, и мысли человека начали собираться и выстраивать какую-то идею спасения. Шестое чувство снова вышло на передний план и устами бессознательного тела ясным, чётким голосом вдруг скомандовало опешившим докторам: «Положите меня на носилки и отвезите в “Склиф”. Это — через одну улицу отсюда!» И санитары засуетились, задвигались и начали делать, что им было велено. Конечно, они и так сделали бы всё это, только немного позднее... А куда им спешить? Но именно эти минуты и секунды были так важны и необходимы уже начинающему замерзать на холодном полу грязного подъезда телу. Телу ещё живого, цепляющего за жизнь человека...

Потом, позднее, в машине скорой помощи, когда Николаю стало теплее и безопаснее, шестое чувство умиротворилось и отстало от мчащейся машины скорой помощи, и, окончательно успокоившись, что до конца выполнило свою уникальную функцию, улетело...

Как хочется пожелать каждому из нас, чтобы этот скрытый помощник, служащий нам так честно и беззаветно, никогда не оставлял никого из нас в одиночестве, — наедине с опасностью, чужим безразличием и глупостью...

Шестое чувство, не покидай нас!

